

Национальный вопрос- 2

(Этот текст был написан 2 года назад. И тогда же опубликован. <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001b/00121551.htm> Актуальность же темы становится всё острее. И текст постоянно дополнялся и актуализировался. Сейчас весь дискурс социально-экономических изменений начинает пониматься в форме русского национально-освободительного движения... Потому и важно говорить о понятии «национального» и в приложении к русским.)

«Политическое» и «национальное» – это понятия, категории, пришедшие из разных сфер. Истоки, причины их находятся в разном. Поэтому и необходимо их разделять.

Нельзя соединять две разные по значению и духу сущности: «политику» и «национальности». База политической системы, на которой строится государственное управление, не может формироваться «национальными представительствами». Представительные органы управления государством не могут и не должны строиться по национальному признаку. Национальная палата в общегосударственном парламенте – это привнесение политики в отношения, которые самоуправляются совсем на других основах, это создание искусственных процессов и в государственном управлении, и в международных отношениях.

Надо вполне разделять понятия «национальность» и «нация». Они только слышатся похоже. Но истоки этих феноменов и причины происхождения терминов совершенно разные. «Национальность» вполне синонимично слову «этничность», только используются они одно – в политике, другое – в науке. Но уже слово «национальное» больше связано по смыслу и употреблению со словом «нация»... Такая вот чересполосица, вносящая свою лепту в «плюрализм» этого вопроса. А непосредственная причина появления слова «нация» и самих наций находится как раз в политической сфере.

Сообщество жителей определенной территории, имея уже определенную интенсивность совместного участия в общей жизнедеятельности и соответственно определенное разделение функций, становится нацией, когда вместе отвечает на какой-то внешний вызов. При этом исторически это «внешнее» для общих жизненных интересов жителей какой-то территории может быть разным и соответственно задача идентификации «свой-иной» решается разная, но связанная с ментальностью связывающихся народов (народа). При этом, исходя из этих особенностей, и оформление нации может быть разным по времени. Потому что идеология, отражающая ментальность и лежащая в основе оформления нации тоже разная, более или менее сложная, более или менее глубокая...

Русские и хотят (и вынуждены) сейчас понять себя, определить себя; найти всеобъемлющее понимание, что такое для них «свое» и что – «иное» ...

Надо понимать насколько по разному слышат-воспринимают это слово, например, русскоязычные и англоязычные. В сознании англо-саксов нация и государство – это общее, единое. Прилагательное *national* используется в смыслах, как «народный» и «государственный», при этом для неофициального понимания «государства» используются и state, и nation. Кстати в глаголах наиболее четко выражается и сохраняется операционное (дающее опору в действиях) сознание; глагол *nationalize* выражает и «превращать в нацию», и «принимать в гражданство». Именно здесь можно почувствовать истоки слова «нация». Но русскоязычные в своем восприятии этого слова идут не от «политики», а от «национальности»... В этом проявляется всегдашнее уважение русскими «национального чувства» вообще: и своего, и другого. Но в таком смешении слов – корни потрясений.

Такое восприятие нами и использование такого контекста в нашей политике не изменяют и пришедшие к нам понятия, обозначающие объекты общегосударственного, общегражданского значения: национальный доход, национальный парк, национальный музей, национальный проект и т.д. Более того, они сами могут претерпевать «абerrацию» в соответствии с восприятием слова «нация».

По сути, по своему предмету слова «нация» и «гражданское общество» - глубинные синонимы, то есть «они – об одном». Они – более, чем две стороны, или две составляющие. В этом «одном» мы нагружаем их своими аспектами. Говоря «нация», мы выделяем (обращаемся к) качество(-у) «субъектности». Говоря «гражданское общество», мы обращаем внимание на свойство (особенность) «конструкции». Но эти аспекты выделяются в одном феномене.

Возникая, слово «нация» сопровождается понятием «гражданское сообщество». В нем нет иного реального полного содержания, иного предмета. (Оно может означать и просто «государство»; в этом смысле показательно слово «национализация». Но, как «обобществление», последний термин содержит в себе прежде всего понятие «общества».) «Нация» – очень неудачный термин, провокационный термин. Его провокация – в соединении этнического и политического. Звучанием он как бы связан с национальностью, но по своей причинности и содержанию этой связи не имеет. Это – обман или самообман. И естественно, что в нем путаются причины и следствия. Естественно, что вброшенное это слово не дает до сих пор своего однозначного понимания.

А вот сейчас внимание, и не торопитесь с выводами пока не прочтете этот текст до конца. Мы, русские не сделали свое гражданское общество, своё социально-экономическое устройство, своё государство; мы, русские – сейчас не нация; снова – не нация. Это нисколько не умаляет нас, как народ, как культуру. Это – только очередная задача снова сформулировать свою государственность. И это совпадает с глобальными вызовами нашего времени по формулированию новой парадигмы и новой идеологии. Оформив свою национальную идентичность через свою социально-экономическую модель, мы можем предложить её и остальным. Да, это будет русская модель, русская цивилизация, русская нация. Но при этом ни один народ не перестанет быть собой. Современная модель требует многообразия и гармонии, в том числе в этом...

А национализм – это верность ценностям конкретной нации, конкретной цивилизации.

Так все-таки «нация» является одной из форм этнической общности? Нация – это никакая не последняя ступень развития этноса; в духе западного рационализма. Нация – это просто определенная политическая оформленность; но как политическая, а то есть предварительно, идеологическая общность, она является формой мобилизации, и очень важна в период вызовов. Этнос может приобретать черты нации и терять их, то есть политически концентрироваться, объединяться или переживать аморфную фазу. И не в этом приговор судьбы этноса. Приговор – в измене наследию предков, в измене своей душе-культуре, в том числе этике. Как и отдельный человек, этнос живёт своей сложной жизнью, взаимодействуя во всём многообразии своих проявлений.

Нация – это политическая форма самоопределения этноса (-ов) на определенном историческом этапе. Этот этап – не высший, как привыкли все раскладывать по полочкам идеологи марксизма-ленинизма; а конкретно исторический. Эффект «нациестроительства» происходит в уже определенным образом структурированном обществе, в стратифицированном социуме, как модернизирующий общество ответ на осознаваемые (то есть находящие отклик в ментальности) этносами внешние вызовы. Это происходит с обязательностью при индустриальной модернизации. Но такое же самоосознание может происходить и в других вызовах.

Нация, как политический феномен, образуется всегда, когда образуется институализированное (современного типа) государство¹, когда появляется партийная политическая система. Здесь нации-образование и образование государства становятся 2-мя сторонами общего процесса.

Нации-цивилизации возникали не только на индустриальном этапе, не только при становлении капитализма. Просто при институализации капитализма без такого самоопределения

¹ Если при этом существует государствообразующий этнос, культура (см. дальше), то он должен быть сосредоточен в пределах данного государства. В противном случае процесс нации-образования будет неопределенным...

уже нельзя. Там уже политический процесс подталкивает к дальнейшей дифференциации и самовыделению уже и этническое.

Да, нация строит себя, отвечая на исторические вызовы. И политическая искусственность здесь обязательно приводит к национальным катастрофам. Устойчивую нацию можно построить только «за» что-то, но не «против» чего-то.

Понятие «миссии» само по себе не несет отрицательных смыслов. Миссия – это роль. Осознание своей роли, то есть взятие ответственности – это то, что характеризует субъекта. В том числе – субъекта истории. Что же плохого в осознании своей ответственности, во взятии за что-то ответственности? Но для нации, как и для человека, это «что-то» не может быть направлено на себя, «Я» здесь средство, а не цель; позитивное служение должно быть направлено во вне. Иначе у становящегося субъекта появится «внешняя сила», некий управитель становления через противопоставление, через разрушение, через негатив. Это не может не отразиться на «субъекте самосознания».

В русском пространстве сейчас идет напряженное самоопределение «своего» с дальнейшим определением «иного». И пока это различие не состоится, не устоит и государство.

Русское мировоззрение очень широко и неоднозначно. Потому то труден и отсрочен (до определенного времени) наш путь определения по критерию «свой». Именно в этом состоит сейчас историческая задача русских. Потрясения в это время нужны не более, чем обманные отклонения или упрощения. Но нужна готовность слышать свою историю, доверять своей истории и понять ее всю.

А этот вопрос, эта задача не так проста. Она включает в себя все разделы идеологии, все составные части мировоззрения. В том числе, и в не последнюю очередь – экономическую самоидентификацию, то есть механизмы русского хозяйствования (и прежде всего особенности инвестиционно-инновационной системы и денежной системы), отвечающие и ментальности, и вызовам времени.

Формула: «нация – хозяин (или собственник) государства», – очень верна. То есть точно определяет ситуацию. Поэтому нация, отчужденная от государства, от реального управления, от власти, теряет признаки нации, у малывается, как нация; как нация, становится сказанием, «сказкой». Так и происходит с нами: и раньше, и теперь. Для нас, русских, нет ещё такого государства, такой «были», которая бы соответствовала нам, как нации. Копированием других образцов (на основе их дискурса) этого не решить. Здесь себя знать надо; глубоко и правдиво, безизъятно понимать свою историю.

В основе нации находится политический процесс. И как ни странно, в основе формирования нации находится не политическое усилие, а духовное усилие, идейное, идеологическое усилие, идеологическое самоопределение. Но этой странности не будет вообще, если понимать, что любое стремление (не желание, а стремление) человека – это духовное действие.

В данном действии происходит определение по критерию «свой». А этот критерий – разный у разных этносов, как ментальность. Потому то «узкие специалисты» не могут уловить универсальное определение нации. Через этно-психологию и необходимо идти к критериям каждой нации.

Можно сказать (опираясь на множество прежних определений), что *нация* – это политическое сообщество, имеющее общие ценности в виде:

- переживаний (в памяти, в психологии, в культуре),
- средств общения (язык, речь),
- территории (пусть и обетованной),
- экономики (хозяйства, особенностей уклада).

Причем определяющими являются духовные аспекты – первые два.

Вопросы нации (и соответственно национальной идеи) относятся к сфере социо- и этно-психологии, и к сфере идеологии. В этом отношении все существующие в стране идеологии воздействуют на идеологию государства. Воздействуют опосредованно. Мы понимаем, что в реальной политике, в которой участвуют реальные люди, в каждый момент реализуется та или иная идеология; несмотря на то, что в Конституции может быть написано что-то другое теми, кто прячет свое мировоззрение. Но дело в том, что для устойчивого и эффективного развития еще с Платона и Конфуция, то есть 2500 лет известно, что обществу необходимы общие цели и

общие ценности. То есть движение социума невозможно без общей национальной идеологии, без «базовых ценностей», наследуемых и разделяемых.

Так – в основе, в фундаменте, в общем... Но в практическом государственном управлении, этносы, наверное, настолько и в таком понимании должны быть отделены от государства, насколько отделена и церковь. При этом не надо забывать, что исторические вызовы и ситуации бывают разные...

Потенциальная нация может, находясь под крылом уже ставшей историческим субъектом нации, не выходить в стадию своего оформления. До тех пор, пока эта более старшая нация верна ценностям Традиции, пока она своим фактом сохраняет эти ценности, а значит и конкретную национальность, находящуюся под крылом. Сдача «старшей нацией» мировоззренческих позиций перед лицом иных ценностей является *вызовом* для других национальностей, в ответ на который они могут начать формирование своей нации. Это и наблюдается на излете индустриализации и модерна, в эпоху создания глобальных надгосударственных структур. Именно молодые народы (то есть не оформившиеся, как нации) начинают ощущать угрозу растворения. В них пробуждается потенциал противостояния. Хотя и всем понятно, что сила – в единении...

И давайте подождем еще 7-го отсюда абзаца. Не все так схематически просто в реальном мире.

Совершенно не случайно оформление нации идет параллельно с оформлением соответствующей цивилизации. Цивилизация – это самоопределение культуры по критерию «своя». Нация – это самоопределение этноса (этносов) по критерию «свой». И там, и там это связано с политикой. Но у культуры «своя» – это вывод ее в представительство, в сравнение, как отдельного феномена в задачах политических. А у этносов «свой» – это равенство по какому-то выделяемому принципу, объединение перед чем-то главным, принимаемым, как общая, иногда и над-национальная ценность (задача). И этот критерий «свой», как говорили выше, исторически разный у разных наций; причинность этого критерия своя у каждой нации.

У каждой нации *ее причина* отдельна. Нельзя нации обобщать универсальными причинами. Потому такие попытки и не получаются.

У разных авторов, осмысливавших особенности организации жизни в России, особенности «Русской цивилизации», приходилось встречать словосочетания наподобие «русский немец», «русский еврей», «русский китаец». Даже когда у нас была единая общность «советский народ», нас всех на западе называли «русские». Нас всех так воспринимали. И правильно. Нас объединяли некие общие ценности и общая история.

В этих двойных именовании есть глубокий смысл и связь с действительностью. Наиболее полно особенности политико-культурно-государственных образований выражаются в конкретных словосочетаниях на основе формы «цивилизация-государство». И тогда местоопределение этнического в историческом контексте наиболее полно описывается конкретным словосочетанием в рамках формы «цивилизация-национальность». Именно цивилизационные ценности, сформировавшиеся в округе Русской равнины, должны выходить на передний и объединяющий план. И соответственно именование этой цивилизации. Россия живет в Русской цивилизации.

Определение «нация-цивилизация» выражает нацию, которая является основой отдельной цивилизации. Нация вполне может выходить за рамки отдельных узко-национальных смыслов. И нация в своем развитии может выйти за рамки цивилизационных смыслов, в чем уже есть опасность. Потому что в этом случае цивилизационные смыслы замещаются государственными, происходит разрыв в обществе, нация-цивилизация переходит в нацию-государство с подавлением государство-образующих этносов (о чем как раз теперь через 1 абзац). Поэтому, расширяясь, принимая под свое крыло какие-то народы, надо очень внимательно интегрировать системы управления; с одной стороны, сохраняя традиции, но, с другой стороны, устанавливая непосредственными отношения между центром и народом. И здесь как раз играют роль экономические механизмы. Управление на местах может быть разное. Экономический порядок может быть только один, единый.

И никогда нельзя менять название государства. Россия должна всегда быть Россией (или Русью, как союзное государство).

7 абзацев выше мы говорили, что этносы должны быть отделены от государства. Но пока будут государства, всегда в этом образовании будут противоречия. И в национально-государственных отношениях есть другая сторона и другой аспект – государство-образующий этнос (-сы). Эта ситуация складывается исторически, то есть как получилось. И если она меняется, то меняется и государство. А там, где этот вопрос искусственно закрывается какими-то построениями и понятиями, это ведет только к разрушению государства с заменой его на другое.

У каждой нации-цивилизации есть становой хребет, есть ядро, есть становая культура, есть становой этнос. Он отвечает за нацию-цивилизацию. Отсюда его права-обязанности за землю, за ценности, за историю. Это – не привелегия, это – груз и доверие.

И это происходит по факту общего исторического самосознания, общих исторических ценностей. Часто – вредно это просто декларировать. Не все решается в словах. Много решается в молчании, в сердце, в традиции. Более того, без этого – в словах не решается. Но в механизмах социума отвечающий за нацию-цивилизацию этнос в каких-то критичных для безопасности пунктах всегда в истории имел главную реализацию-ответственность.

Кстати, об этом можно было бы и не говорить. Потому что верность (а речь идет именно об этом) земле, верность нации-цивилизации – это качество, прежде всего человеческое. И люди всегда умели его определять. Здесь служба – не за страх, а за совесть...

Может ли в одном государстве быть несколько наций? Нет! По определению – нет. «Нация», как термин, однозначно связана с государственностью. Иначе этот термин вообще лишается содержания. И снова появляется путаница «нации» и «национальности». Нация – это политическая форма, которой как бы дополняют (и завершают) генезис этноса. Но «нация» ничего не добавляет этносу, как этносу. Этническое не получает никакого развития, и даже наоборот. «Нация» просто погружает «национальность» в сферу политики. Поэтому с позиции «национальности», в интересах «этничности» – вернуться на новом витке развития и безопасности в свое непосредственное бытийствование...

Если в едином государстве кто-то, упорствуя, называет какой-то народ «нацией», то с этим человеком надо быть осторожным...

И начинать Конституцию по известному образцу можно было бы так: «Мы – одна нация многих народов...» А надо ли писать в Конституции о роли государство-образующего этноса? Не знаю. Но мне кажется, не все в умных документах нужно расписывать, как в некоторых инструкциях пользования бытовыми приборами. Дуракам – пиши, не пиши...

Правда, у верхнего, не самого лучшего выбора «дурак-провокаатор» есть альтернатива. Здесь вступает в права Ее Величество История. Только вот самообольщающихся на этот счет было бы поменьше. С них, как с гуся вода, а заблудить и обольстить могут многих. Только история расставит все на места. И надо пытаться чуть-чуть ощущать происходящие здесь процессы, видеть приоритеты, чувствовать соответствующую систему координат.

В связи с этим надо понимать крайнюю противоречивость (и даже провокационность; как провокационна любая тавтология, претендующая на истину) известной формулы «Право нации на самоопределение». Она замещает главные, исходные смыслы этноса (о чем дальше). Не выражая правильно процесс, собранная просто из «красивых слов», она является абстрактной, искусственной. И эту свою «мертвенность» она забивает и в головы.

Нация – это уже самоопределившийся этнос (-ы), уже ответивший на вызовы. (Вопрос как раз в том – какие вызовы угрожают этносу?! О чем дальше.) Формула – пуста. Говорить в этом случае о правах – это поспевать к концу драки с претензией назвать и возглавить «процесс». Этого права нет априори, оно – это исторический факт состоявшейся нации, то есть оформившейся политически ради своего сохранения. И это автоматически не дает права на отделение, так как вступает в права вопрос об исторической принадлежности территории проживания по отношению к другим народам, вопрос о святынях народов. И это не дает этносу гарантии сохранения, так как нагружает его, получившего новую, не свойственную этносу субъектность, государственными, политическими обязанностями, столкновениями, искажающими непосредственное бытие этноса и забирающими силы. Но и выводящими на историческую арену, правда, с непредсказуемыми для него последствиями.

Это ведь не добавляет автоматически настоящего вклада в мировую культуру, во-первых, а во-вторых, если и воздействует на людей и культуру этноса, то в худшую сторону. Политиза-

ция использует культуру, как она есть; в конечном итоге можно надорваться и деградировать. Настоящий вклад в мировую культуру какого-то представителя этноса может быть только на его почве. «Нациестроительство» нивелирует, отнимает силы, но и ставит новые задачи самовыражения, напрягает дух этноса. «Нациестроительство» – вызов всему этносу (-ам) в его исторических (в том числе географических) обстоятельствах, это не прихоть какого-то «вождя»... Это – естественный процесс. Если хотите - заданный свыше. А «прихоть» ведет к крови.

Вы, конечно, знаете, что та декларация о самоопределении нации входит в смертельное противоречие с другой: о целостности государства... Вы чувствуете, как всё здесь, как специально, сцеплено, запутано? Потому что спутано реальное и абстрактное, реальные чаяния народов и вмененное им. Реальные чаяния-права народов – они безусловны и ни с чем настоящим не входят в противоречие. И вот они должны защищаться до конца. Оно, это чаяние, двуедино – сохранение, как основы своего бытия, земли предков² и культуры. Понимание своей земли входит неотъемлемой базой в культуру этноса.

Ничего не проходит бесследно. «Национальность» передает «нации» землю, и она становится территорией. «Национальность» передает «нации» культуру, и она становится цивилизацией. Всё претерпевает политическое оформление, а потом и экономическое...

Ну вот, дошло дело и до экономики. Дело в том, что экономика сама по себе, экономическая суверенность не является смыслом этноса. Она является интересом кланов этого этноса, просто конкретных людей. Экономическая суверенность для этноса – это средство, а не цель. Это надо четко понимать. И не поддаваться на посулы и провокации, связанные с «золотыми дождями». Экономическая состоятельность людей выражается как раз в том, что они имеют возможность воспроизводить свою культуру. А местные кланы в силу постоянного соперничества думают об этом в последнюю очередь. В экономической состоятельности людей должно быть заинтересовано прежде всего государство, если оно беспокоится о устойчивости-развитии. Народы и государство – это взаимная опора. Но, чтобы быть таковой, должна быть правильно организована экономика.

Государство по определению открыто. С легитимной властью всегда можно вести диалог: мягкий или жесткий, – не важно, но легитимный диалог. И можно использовать множество открытых механизмов. Надо только отстаивать открытость государственной власти. Государство само по себе – это не угроза народам. Более того – защитник. Потому что и само без исконной суверенности этносов, их богоданности, имманентности не устоит перед общим беззастенчивым врагом.

Так кто же угрожает смыслу и жизни народов? То и те, которые проникают сквозь границы, которым безразлична национальная самобытность и земля и которые закрыты от возможности влиять со стороны просто граждан. Именно транснациональные корпорации (ТНК) являются, можно прямо говорить, врагами этносов (народов)... По нравам своим, по сути своей, по ставкам своим.

А далее можно посмотреть в следующей главе.

Как русский не могу не сказать вот о чем.

² Западные политтехнологи прекрасно знают, сталкивая народы, что землю надо полить кровью...

Где, чья земля – вопрос сложнейший и кровавый. А также и вопрос – кто кому здесь наследует...

Но в любом случае, просто политические, конъюнктурные решения не имеют здесь никакой силы. Формальное право не может превысить естественного права. (Последнее может возникать не только от древних и необорвавшихся корней, но и после отпора агрессии) Передать, отдать, позволить пользоваться землей может только народ. И вообще-то говоря, давно уже настоящим ученым нужно предложить здесь порядок, алгоритм. Это надо (и этого не мало) во многом для остановки актов вопиющей несправедливости, и международного террора. А в остальном здесь постоянно будут возникать нерешаемые коллизии. Потому что все будет упираться у политиков в сравнение «количеств» и приоритетов, а количественной меры здесь нет. Тогда и делить землю перед Богом не надо. А надо предоставить одинаковые экономические условия жизни всем народам. Как было в СССР...

«Отменить», то есть снять, как потерявшее остроту для самовоспроизведения культуры и сохранения человечности, это чаяние и вместе с ним «политический национализм» может только другое состояние народов и межгосударственных отношений. Но останутся особенности психологии, «настоящий национализм», и это разнообразие – гарантия жизнестойкости человечества. Но опять же – только на новом уровне человечности.

У меня все больше возникает гордость за наш народ русский. Вопреки вранью официальных историков. Или их материалистической примитивности. Я горжусь своим народом³. Его гонят, а он не гонится; его размазывают, а он не размазывается. И откуда только, что берется!... Он только отряхивается, продолжая путь, да с укоризной смотрит, не особо обращая внимания. И попутно разбирается с нагромождениями блефа и глупости. И откуда – кто берется!? Сколько за последнее время читаю ясных слов из русского, из православного пространства. Какое же внутреннее чувство правды надо иметь и не размываться в своем бытии?!...

Уже сколько говорят и о «призвании варягов Рус». Если посмотрите на контекст легендарного события в виде самой развитой в то время на Руси грамотности, существования многовековой городской культуры (культуры больших поселений), не просто включенности Руси в общий цивилизационный поток и мировое хозяйство, а на передовых ролях, если не будете забывать о наличии своей предыстории и культуры, то можно будет лучше понять в какой стороне и в чем искать правду. Не забудьте еще о множестве славянских народностей по всей Русской равнине, то есть о множестве центров событий, и о минимум 2-х центрах централизации и формирования своей государственности, связанных с противостоянием угрозам: на севере от разбойников-варягов и на юге от степняков, в частности на тот момент от хазар. Интересно и то, что согласно летописям ильменские славяне сначала изгнали варягов, а потом, понимаете ли, пригласили... Как это по нашему: «обидели», а потом пожалели; сначала в порядок привели, а потом о деле поговорили...

Хотя уже и чисто исторически разъяснено (см. например, Н.Слатин «Влесова книга. Русский язык и русская история»), что призвали внука правившего до этого в Новгороде князя Гостомысла, родившегося у дочери Гостомысла от князя западных славян (ободритов), живших возле о.Рюген как раз напротив Швеции и промышлявших варяжством, то есть наемной охраной (бывало у варягов и наоборот – грабежом, как ворог) возле Варяжского (Балтийского) моря. Призвали, потому что «наряда в земле нет», то есть не осталось кому править.

Можно привести обобщенно и другое понимание этих событий. Литературное описание призвания варягов с дружинниками, которых называли «русь», есть просто «легитимизация» захвата власти северными германцами. Не отсюда ли берет начало разлом между властью и народом, а также подсознательное ломание под корень старого, чтобы обрести своё в новом? Не отсюда ли – часто неадекватное насилие над своим народом в каждой новой реформе сверху? И затянувшееся самоформулирование национального сознания, национального самоопределения? Не отсюда ли идет вековая наша «история», сохранившаяся наша задача, требующая разрешения, сохранившийся клад, требующий открытия?.. Тогда и ответ на далекий вызов заключается только в том, чтобы при сохранившемся русском языке и преемственности поколений это сделать, и сделать сейчас...

Но даже если ничего не знать и просто принять, как факт, приглашение править. Посмотрим на мотивацию при том, что предки были не примитивны, не идиоты (те бы вообще «не дергались»). Учтем 2 важных момента: то, что существовали свои земли-уделы и множество поселений (городов – «гардарика») в одном языково-культурном пространстве, и то, что «призвал» именно народ (словени), а не князья, которые, кстати, уже были, то есть было правление. Князей на правление по традиции избирал народ (вспомните традицию вече). На этот же раз пригласили по каким-то причинам с какой-то стороны. И это конкретное приглашение дало линию развития, линию разрешения вызовов; потому и вошло в летописи. Это можно назвать первым опытом разрешения «смуты». В тот раз основная угроза шла с юга.

Тогда так называемое призвание варягов – это факт великого достоинства и ответственности за судьбу *земли*. Именно земли... Наши предки не хотели доказательств первенства, то есть войны между братьями-славянами из разных уделов. Наши предки не хотели разрушать землю ради возможности быть первыми. Что было на Западе. В этом отличие психологии. В этом отличие понимания. Это было сознательное государственное строительство, исходя из существовавших условий. И это делает честь нашим предкам.

Это факт глубинного понимания «призывавшими» психологии своего народа, факт ответственности за его судьбу, за его развитие в новой исторической ситуации...

Пришедшие говорили на том же одном славянском языке, принадлежали одной культуре. Это было главное, и это понимали «приглашающие». И поняли приглашенные; кто из дру-

³ И эта русская гордость, как и тоска, гордость за человека вообще.

жины не знал, тот освоил язык этого пространства. Проблемы, возникшие потом с дружинниками – это уже политические проблемы. А взятое *государственное название* «Русь» вообще имеет глубокую историю в летописях государственных образований и в топонимике всей Европы, указывая на древность пребывания соответствующего народа, и шло это от индо-иранцев (ариев) к славянам.

Наши предки ощущали главность языка. Об этом не раз говорил Нестор. Это ощущение главности и сейчас важно для самосознания и целостности. Наши предки были *словами* – хранителями языка. И это было характерно для славянского суперэтноса, славянского мироощущения, основанного на землепашестве, на *устройстве земли*.

А летописные слова об отсутствии управления на земле (тех, кто раздает «наряды») – это слова для *приглашаемых*, обоснование для них... Они и вошли в летопись (что вполне понятно). Наши предки даже не хотят оправдываться (не за что). *Умные* потомки, наследующие глубинную психологию и остающиеся самостоятельными, прекрасно поймут. Это потом западные интерпретаторы послепетровской эпохи внедрили уничижительный смысл... В силу своего опыта и разума.

Есть и ещё один вариант, отражённый на схеме «Родословной Руси-России». Издревле Русскую равнину населяли народы индо-иранской группы языков. Скифы – самый известный, древний в известной истории, начиная с эры железа, и заслуженный род. В Прикавказье (и во всей полосе в сторону Урала) всегда сохранялось иранское (арийское) наречие, строились поселения. Существовала сеть поселений и на среднем Дону (как раз в Шолоховских местах да в сторону Воронежа). В древних языках арийского корня слово «рус» означало «светлый» и «направленный к Богу» (вспомните древнее название Волги – «Ра»). Так называли себя жители Донской Руси. Они торговали с арийцами-славянами на северо-западе от них, держали фактории на восточном (русском) берегу Балтики. Хазары в начале IX века разорили Донскую Русь и стали угрожать славянской земле. Славяне и призвали ушедших в свои фактории Русов создать союз против угрозы с юга.

Можно спорить по этим вариантам, придавая сейчас то или иное значение факту призвания и принимая сам факт в той или иной степени действительной важности в то время. Но эти варианты едины в главном, что определило особенности дальнейшей истории России. Власть исторического русского государства образовалась не эволюцией и оформлением национального, не от национального корня, но она была привита (или само-привита) из-за внешних вызовов. У этих вариантов разная степень инородности такой прививки национальному стволу. Но суть одна – власть и властная традиция, которая потом не прерывалась, появилась не из внутренней самоорганизации национального сознания. Причем в силу определенного сложившегося до этого веками неавторитарного способа управления, близкого самоуправлению, а не централизованной власти. Национальное сознание при том уровне социально-экономических отношений и в той внешней ситуации не было готово сформировать власть, одновременно отвечающую себе и вызовам времени. Это сформировало на столетия характерный русский разлом власти и народа, выливавшийся в смуты. Без сформулированной своей национальной идеологии всякая власть вела и ведет себя, как чужая; и меняется не сама, не из себя (потому что там пусто), а от столкновения внешних обстоятельств с народной толщей. Народ каждый раз выручал и Отечество, и власть. Но власть, в чем-то и изменившаяся, по отношению к народу оставалась прежней, и всякий раз шла к своему отрицанию, к роковому расхождению с народом. Всякий раз власть начинала устраиваться для себя и воспроизводить насилие (разумеется, в благих целях). А причина – неоформленность нации, отсутствие не заимствованной, но действительно общенациональной идеологии. Преодоление такого разлома через формулирование национальной власти и восстановление в целостности своей истории осталась, как задача. Не создав власть, соответствующую своей глубинной сути, пришлось отсрочить и оформление нации. И эта двуединая задача осталась на «нужное время»... (Как бы продолжение этих рассуждений о власти – см. в «О прибыли».)

Можно принять любой вариант «призвания».⁴ Я не вижу в них унижения для сохранившего свой язык, свою ментальность русского народа. Я вижу промысел и вызов, я вижу задачу на «последние времена»...

⁴ Здесь интересен в своей четкости и обзорности текст Е.Холмогорова «Происхождение русского государства» (<http://www.rus-obr.ru/idea/836>); а далее ответ М.Диунова с отличным комментарием «Варяга» (<http://www.rus-obr.ru/idea/935>).

Изначально в низовьях Волги, Дона, Днепра существовал «котел народов», откуда исходили народы волна за волной; и куда приходили, обретая здесь «свою пассионарность». И издревле на этих пространствах, в скифии был единый социум (организация) свободных народов. А потом сохранялось наследуемое отношение к свободе вообще, в которой растворялось «частно-национальное». Казаки – это прямое послание из глубины времен, реализовавшееся в новых исторических обстоятельствах, это этно-социальный реликт, сохранившийся в народе, имевшем стержневое отношение к скифам.

То, что русский человек непостижимым образом соединяет индивидуализм (личное начало, одиночество) и общинность (ощущение общих целей), проявившееся у единственного этноса в осознании понятия «соборность», явилось отражением единого глубинного качества – внутреннего требования осмысленности бытия. Отсюда и поиск правды.

Невозможно искать русского человека, относя его к одной из противоположных сторон: или индивидуальному, или коллективному. Он решает эту дихотомию внутри себя. Основой этого является нравственное понимание, достигаемое внутри. И в этом он целостен. И в этом залог, начало будущей целостности русского человека.

Искренность и открытость его в том и проявляются, что он идет к цели из внутреннего требования-постижения и ради надличного блага-смысла. Отсюда и его смешивания, и ошибки, перехлесты при неадекватности понимания своих смыслов, себя. Потому он всегда восприимчив, отзывчив к настоящему знанию...

Разные были народы. Были те, кто сохраняли предание, и те, кто под давлением новых обстоятельств модернизировались. В 6-м веке н.э. группа славян-охранителей уходила на восток из средней Европы через земли родственных племён в Балтии на Русскую равнину. Уходила от геноцида готов (наследники которых, германские рыцари, позднее извели под корень уже славян-пруссос), уходили, чтобы сохранить старо-отеческое, исконное.

Линия русских – это не одна из линий пра-славянского ядра, это линия самого ядра, линия источника. Об этом говорят надписи на мегалитах с эпохи начала бронзы по всей Европе, написанные русскими рунами и прочитанные в наше время В.А.Чудиновым. Наши пращуры, как главную ценность, сохранили язык, русский язык.

Послесловие

На эти размышления быстро ответил Андрей Борисович Кобяков. Продолжение размышлений, которое он задал, было важно. Внимательное отношение заставило высказаться чуть дальше в сторону экономики и возможных моментов развития, в сторону аспектов развития во взаимосвязи этноса и экономики... В сторону, которая выводит на адекватные решения. С благодарностью я продолжил в виде диалога (но, вклинившись, извините, в последовательную прямую речь уважаемого собеседника).

А.К.

1. Я не уверен в справедливости отождествления (пусть даже и в полемическом контексте) понятий "нация" и "гражданское общество". Во-первых, гражданское общество в нынешних условиях и в дискурсе попперовского "открытого общества" имеет весьма специфические оттенки смысла. Во-вторых (и это главное), даже в каком-то более высоком смысле гражданское общество противопоставлено государству (хотя и диалектически). Западное происхождение термина объясняет это. Гражданское общество ПРОТИВОпоставлено государству, подчеркивается не просто инаковость, но и намеренно акцентируется конфликт.

С.А.

Учитывая названный Вами существующий контекст (в котором Вы правы), наверное, надо найти другое понятие для сопоставления, для указания на соответствие «нации» и «населения, оформившегося идеологически, политически, государственно»... Не знаю пока его... Вы знаете, а здесь есть другая большая правда. Правда в том вопросе, в котором нас постоянно укоряет Запад, представляя «гражданское общество» необходимым для цивилизованного общества именно в западном понимании, которое Вы отметили. Такое понимание всего лишь ре-

зультат их развития, их истории; и не есть самая последовательная и высокая правда. Это результат их феодализма, результат отсутствия глубинной традиции избрания власти, избрания князя, как было на Руси. Это результат их первоначального состояния власти, как завоевания и подавления своих или чужих. На Руси изначально ничего этого не было. А вот когда появилось (после Петра) тогда и появилась необходимость «гражданского общества»; но осознавалось такое противопоставление власти и общества, как Вы пишете, с трудом, со временем, вплоть до взрыва в 17-ом... Не имея собственного понимания о себе, мы взвалили крест Запада...

А.К.

2. ...Вы пишете, что «нация ничего не добавляет этносу, этническое не получает никакого развития, даже наоборот. Поэтому с позиции «национальности», в интересах «этничности» - вернуться на новом витке развития и безопасности в свое непосредственное бытийствование». Я вот подумал, а может ли быть такой поворот? Возможен ли обратный "фазовый переход" - из нации просто в этнос? Возможен ли такой переход для русских, причем без потери этой самой русскости?

С.А.

Возможен – при другом состоянии человека и государственных отношений. Иллюзия? Не знаю... Но к этому можно и нужно идти. (Вслед за Вашими размышлениями попробуем увидеть это дальше.)

Особенности исторического развития поставили русских, всех живущих вместе на пространстве России, в такую ситуацию, что они могут и должны теперь сформировать совершенно новый национализм... Некий общий национализм, «вмещающий национализм», державный национализм, сверх-национализм... Национализм ведущий к «общеземному национализму», то есть к гармонии национального, человеческого (а следовательно и экономического), общепланетного. Вот такой общий вызов... При этом этническое, освободившись от политических перегрузок и напластований сможет снова свободно бытийствовать в общем хоре культур.

Вообще национализм – это мировосприятие через «национальное». А разве может быть по другому вместе с впитанным языком и культурой!? Национализм – это уважение национальных чувств, и это норма. Это норма – понимание важности, исконности национальности: и своей, и чужой...

Посмотрим на «человеческое поле» в 2-х срезах – через организацию в этом бытии 2-х моментов: общественного и национального, – выразив их в цепочках оформления. Для «общественного среза» это будет цепочка: человек (общественный) – семья – общество – человечество. А для «национального»: человек (национальный) – народ – нация – национальная ойкумена. И все эти звенья присутствуют вместе; и что интересно, эти цепочки в норме соединены в начале и в конце, выражая 2 стороны одного целого. Но для каждого человека, каждой семьи и каждого народа, как низовых, то есть исходных, основных звеньев они наполнены разным весом. При этом очевидно, что любовь к своей семье не означает ненависть к другим семьям, но более того в норме предполагает как раз уважение и сохранение любых семей, как института. Также и уважение, сопереживание своему народу, как хранителю языка-культуры-истории предполагает сохранение этого звена вообще, то есть многообразия народов.

А вот что происходит в следующей паре звеньев «общество-нация»? Чтобы избежать «трактата» сразу скажем о русской специфике. Нация – это то звено, которое периодически пропадает в нашей русской структуре. Видимо замещаясь общественным звеном из параллельной цепочки; и видимо из-за «всеобъемлимости» (должен случиться последний общий кризис, чтобы уже опираясь только на свое, то есть осознав это «свое», вытащить и всё вместе). Именно проработанности в этом звене нам и не хватает. Потому вся русская конструкция не устойчива. Нам не хватает осмысленных нами, а не привнесённых извне основ нашей нации. Осмысленных полно и целостно.

Вообще, нация – это даже более не гражданское оформление «национального», а идеологическое оформление. Вот почему нам нужно такое осмысление, какого не было до сих пор. Полное и целостное осмысление своего национального бытия; и прежде всего – экономическое. Из которого будет понятно наше движение в будущее...

Вопрос об «обратном фазовом переходе» не стоит, потому что всё присутствует одновременно, но в разной степени проявленности. Общая дисгармония форм (цепочки) в конкрет-

ных исторических обстоятельствах ведет к угнетению и деградации и отдельных звеньев. Воссоздав «нацию» на современном этапе, вы восстановим и «народ».

Национализм – это норма. А шовинизм – чувство превосходства над другими национальностями и принижение их, – это за нормой.

Национальные отношения – как психология человека. Национализм – это персонализм, уважение личного отношения, личности. Тогда шовинизм – это эгоизм (уважение себя в ущерб другим). Проявление шовинизма приоткрывает показывает стороны национального характера. И преодолевается шовинизм как раз сверх-национализмом, некими сверх-целями общего развития. Что не ведет к уничтожению «национального», которое составляет свое в общем богатстве. (См. также в 3.2. «О наших смыслах -3».)

И неправду говорят, что народу не нужна национальная идея. Народу, как большому субъекту необходимы объединяющие смыслы. Об этом писал еще Платон. Не будет своих – будут чужие. Это могут быть и простые идеи, типа «как лучше пристроиться». Это могут быть и идеи превосходства, или поиска врага. Отсюда – очернение, ложь и шовинизм; ради того, чтобы «сгучковать массы». Но русским это никогда не надо было. Вот только не надо обольщаться в намерениях некоторых «друзей»...

А.К.

Тут много причин для серьезных сомнений. И то, что русскость так тесно связана (именно в ментальности) с государственностью.

С.А.

Да. Но это и было проблемой. Потому что из-за постоянной трещины между властью и народом под угрозой оказывалось государство. Так было на протяжении всей истории. И отношения между властью и народом должны измениться. Это постоянный сигнал правящим, это и сохраненное послание – об изменении роли народа. Теперь – когда под угрозой оказался уже народ. И именно в современную эпоху появилась возможность механизмов, способных это реализовать, и появились соответствующие экономические вызовы...

А.К.

И то, что в государстве, которое вдруг станет не русским, нам остаться русскими просто не позволят (начнут внедрять чужой национальный код и уничтожат русскость).

С.А.

Да. Поэтому новые экономические механизмы могут быть только современными и только русскими. И пусть над этим смеются либералы... Они руководили революцией, когда были «левыми». Теперь руководят смехом, будучи «правыми». А мы авось – без левого-правого. Как-нибудь...

А.К.

Да и не только не позволят - мы и сами, боюсь, не сможем.

С.А.

Мой друг как-то сказал: «А какая разница, будем китайцами». Китайцами – это не самый худший вариант. Но все равно – как-то не хочется...

А.К.

Посмотрите, что происходит с русскими в эмиграции. ... Уже во втором поколении русские практически полностью ассимилируются. Без своей земли, без основы для традиций, без своего предназначения, которое может быть у них только в России, а без России (вне России) его нет.

С.А.

Да. Это проявление все той же отзывчивости (уживчивости). Но окормленные культурой (идеологией) они образуют очень устойчивые образования. Чаще это происходит через религию (староверы в разных концах Земли), но бывают устойчивыми и светские группы (Китай, Франция), хотя я эти факты плохо знаю. При этом они сохраняют внутреннюю связь с Россией, сохраняют предания, сказки, песни, сохраняют какое-то упование.

И у других народов, наверное, также?.. Другие народы, правда, лучше кучкуются на национальных интересах...

А наши, не умея без «земли», переходят на другую «землю». И говорят, хорошие получают граждане... И защитники. Мало, кто знает, что и в I мировую, и во II мировую в самых критических обстоятельствах Францию буквально спасали, заслоняя, отдельные русские отряды.

А.К.

Так что такого пути как "просто бытийствование" у нас просто не существует уже (после того как мы стали нацией).

С.А.

Отдельно от других народов, конечно, нет... (и все же – «наверное»). Надежда вот в чем. Установить нормальный миропорядок можно. Для этого нужен совершенно свой, альтернативный, заразительный для простых людей и эффективный в современной экономике (как раз «завязанной» на творчестве, на образовании, на человеке) экономический механизм. То есть раскрепощающий людей и одновременно объединяющий их цели, связанный с общим смыслом.

А.К.

В тексте есть такое предложение: «И это ведь не добавляет настоящего вклада в мировую культуру, потому что если и влияет на людей и культуру этноса, то в худшую сторону».

Этот тезис вызывает у меня сомнения. Есть ведь понятие "Большого стиля". Он обычно связан с наивысшей точкой подъема империй (и ряда национальных государств – взять, к примеру, Францию). Известен Большой стиль империи Александра Македонского, Рима, Византии, сталинский Большой стиль. Очень многие культурные явления, относящиеся к Большому стилю, оставляют важный след, по настоящему обогащают мировую культуру. Более того - становятся культовыми явлениями (объектами), хрестоматийными паттернами. Особенно это относится к архитектуре (но не только). "Чудеса света", римский Колизей, дворцово-парковый комплекс в Версале, фрески Рафаэля и Микеланджело в Ватикане (того периода, когда Ватикан стал по сути метрополией неофициальной империи), московские "высотки" и "метрополитен им. Кагановича", Русский музей и Третьяковская галерея, оперы "Жизнь за царя" и "Князь Игорь" (разве они часть этнической культуры, а не национально-имперской?).

С.А.

До Бисмарка (до конца XIX века) единой германской нации не было, по мнению самих же немцев (этот процесс шел даже до I мировой, по мнению разных немецких интеллектуалов, того же Т.Манна). А взлет Великой Немецкой культуры уже состоялся; Гёте, Бетховен, Кант, Гегель уже были позади. Также и во второй сопоставимой по мировому вкладу культуре – русской. Кто-то отсылает начало нации к Петру I, а кто-то имеет аргументы, что становление русской нации еще не закончилось, она еще не сформулировала свою идеологию...

Мне представляется, что большая «представительская культура» строится, когда есть «Заказ», когда есть «культурная политика» (и когда есть из чего строить). Самый яркий пример – Флоренция и Возрождение. Но все же фундаментальные культурные прорывы (открытия) связаны, прежде всего, с рождением «гения», во-вторых, с наличием определенного «языка», контекста, истории, в-третьих, с наличием определенного вызова, востребованности. Причем, действительно, важно только первое... Наличие второго – это насколько и в чем реализуется «новое восприятие», это отражение состояния социума. «Вызов», мотив творчества, как отражение смысла личного проживания, конечно важно; но в чем выразится ответ художника, никто не знает. «Заказ» – это частный случай вызова, это внешний мотив. Мы знаем уродливые «культурные ценности», когда есть один «заказ»... То есть здесь опять же нет универсальных закономерностей. Есть более или менее удачные условия для настоящей свободы людей. Нет универсальных законов кроме одной – Человека. Примеры? Пожалуйста – автор «Слова о полку Игореве», М.Ломоносов, К.Циолковский...

При становлении нации возникает «человек политический», а вместе с капитализмом и «человек экономический». Культура приобретает соответствующие черты, становясь культурой больших форм, массовых действий (зрелищ), коммерческих шоу, нивелированных понятий, усредненных и опускающих рейтингов.

В человеке такого социума торжествует (довлеет извне) прежде всего «субъектность политическая» и «субъектность экономическая». Естественное (но на этот раз и сознательное) сме-

щение мотивов людей в сторону «субъектности познавательной» и «субъектности онтологической» (то есть по факту бытия и его смысла) как раз и выразит преодоление национального отчуждения, покажет возвращение в состояние «народ» на новом витке развития человека, значит, что есть изменение его роли, места в тандеме с властью (в том числе властью денег).

Важный промысел, может быть в том, что в самых близких (повседневных) человеку вопросах: национальном и хозяйственном, – нет адекватных рациональных схем, нет однозначных и универсальных рецептов. То есть здесь, чтобы быть адекватным, всегда приходится идти от человека, от конкретно-исторического состояния социума. Отвечая на вызовы и решая практические задачи, нельзя руководствоваться «измами», терминологическими открытиями, систематизациями, технологиями. Здесь истина сугубо конкретна, и правильно то, что возвышает человека. Без сердца в этой «зоне» выход не находится.

Описанное «понимание» требует возратить в человеческую историю элемент «непредсказуемости» вместо «заданности», требует уважения в «историотворчестве» вопреки политтехнологиям. Требует в общественных вопросах быть конкретным, творческим, самостоятельным, чутким, ответственным. Требует быть действенным, а не комментирующим. Такое «восприятие» убирает «подгонку» подо что-то общее. Дезавуирует огульное, «универсальное» отношение к русским, к России. «Модель», которая описалась, соответствует простому восприятию простых людей. Это реакция на замороченность и политическую ангажированность того, что приходится видеть-слышать-читать.⁵

⁵ А из последнего посмотрите это: <http://www.apn.ru/publications/article21143.htm>

"Родословная" Руси-России

